

ПОИСКИ ХАРАКТЕРА

Самолет идет из Красноярска на север. Гайга постепенно уступает место тундре, лесной массив редет, мельчает, сменяется крошечными горбатыми деревцами. И, наконец, тусклое однообразие — тундра, бурая, будто каменная земля с рыжими подпалынами, порванная кое-где снежными протоками. Самолет пересекает полярный круг, приближаясь к цели — городу Норильску.

На краю города, на самой границе с тундрой, высится здание самого северного в нашей стране заполярного Норильского драматического театра. Здесь работает талантливый коллектив, на творчестве которого не сказывается ни отдаленность от Большой Земли, как называют на Таймырском полуострове все континентальное пространство Родины, ни суровый климат. Здесь ставят интересные спектакли, много и горячо спорят по творческим вопросам.

Об одном таком споре и хочется рассказать.

Ожесточенная дискуссия разгорелась вокруг исполнения артистом А. Сафроновым роли Колокольникова в спектакле «Персональное дело». Одни считали работу товарища первоклассной, другие — не имеющей права на существование. Обсуждения постановки длились часами, порой до утра.

Как же сыграл эту роль А. Сафронов? По всему чувствуется, что его Колокольников предстает на сцене в момент величайшего душевного потрясения: редкие волосы взъерошены, походка неровная, интонации неуверенные. Все его поведение как-то не вяжется с приличной, подчеркнуто интеллигентной внешностью, аккуратной бородкой, опрятным, хотя и потертым костюмчиком. И приходит на ум, что, видимо, всю жизнь этот человек умел обходить острые конфликты и слыл славным, честным. О нем, верно, говорили, что он «мухи не обидит», «воды не замутит», со всеми у него установились добрые отношения. Вдруг — история с Хлебниковым! Как же сохранить расположение Полудина и вместе с тем не стать подлецом в глазах Хлебникова?

Словом, артист играет интересно, отбирая тонко подмеченные в жизни черточки, характеризующие Колокольникова и колокольниковщину, органически претворяя их в ярком художественном образе, лепит этот образ ярко, смело, выпукло.

Но в коллективе Норильского театра далеко не все признают успех А. Сафронова, и это неспроста.

Дело в том, что некоторые норильские артисты долгое время воспитывались в приверженности к так называемой «естественности», «простоте» игры, в них они усматривали противоядие против наигрыша и штампов. Противоядие-то, может быть, и хорошее, естественность и простота в актерском исполнении очень важны, но артисты в поисках простоты и органичности забыли о необходимости создавать яркие, выразительные характеры. И появилась на сцене «естественность ради естественности», которая так близка сестры в театральном искусстве. Все знают, что это такое: ходят по сцене актеры некоей «общечеловеческой» походкой, размеренно разговаривают, не нарушая логики построения фразы, время от времени улыбаются, изображают «процесс мысли» и т. п. В рецензиях подчас пишут о таких актерах, что играют они «корректно», «культурно», «скупое» или «тепло», как бы не замечая отсутствия в их исполнении образности, подлинного творчества.

Думается, мы имеем здесь дело с наиболее вредным и трудно распознаваемым штампом, который иногда проникает в

творчество даже самых талантливых актеров. И беда, коль скоро этот недостаток, этот просчет возводится в принцип актерского исполнения, а именно так было одно время в Норильске.

Приведем несколько примеров.

В творческих возможностях В. Каменского — создание четких, запоминающихся сценических характеров; артист демонстрирует это в спектакле «Иван Рыбаков», где играет Титова. Он воссоздает здесь интересный образ потерявшего себя, одинокого и злобного человека. Запоминается его сутулая фигура в невзрачной тужурке, недобрый взгляд исподлобья, который, когда Титов того хочет, становится маслянисто-ласковым, его интонация — то приторно-воркующие, то схибно-цинические. Рассказывают, что Каменский интересно репетировал и Полудина в «Персональном деле». Но, убоявшись того, что его Полудин будто бы выделяется из ансамбля, Каменский отказался от намеченного рисунка роли, ничем, по существу, его не заменив. Ныне он «естественно» движется по сцене, логически безошибочно расставляет ударения в авторском тексте, но все это весьма далеко от создания полноценного характера, от рождения типического образа.

Статистические «средние личности» серьезно вредят спектаклю «Огненный мост» Б. Ромашова. Недавно пришедший в Заполярный театр режиссер Е. Гельфанд принес на репетиции своеобразное видение пьесы, нашел в ней место для темпераментных народных сцен, органически включил эмоционально насыщенное музыкальное сопровождение, разработал интересные мизансцены... Однако все это в готовом спектакле как бы повисло в воздухе, режиссерская фантазия искрилась и бушевала сама по себе — большинство исполнителей вели свои роли совсем в другом ключе. Даже талантливый артист В. Лукьянов играет Хомутсва хотя и естественно, без наигрыша, но, нечего грех таить, вяло и скучно. Подстать ему исполнение ролей Штанге, Лысова, Мухиной, Ксении Михайловны, Болухатова, Голоушева и других.

Выделяется только сильно, остро сыгранный Н. Кузьминым Геннадий Дубравин. Это действительно образ, артист дает характер в развитии, постепенно раскрывает нравственную опустошенность, жестокость, мстительность зарвавшегося белого офицера и вместе с тем выявляет его злую активность, безудержную энергию. Как бесится он, терпя поражение, как кипит ненавистью к народу, как ловко маскируется, прикидываясь несчастеньким в сцене с Ириной... Умный и коварный враг предстает в постановке Норильского театра.

Между тем, как это ни парадоксально, на обсуждении спектакля в коллективе наиболее отрицательную оценку получил именно созданный Н. Кузьминым образ Геннадия. За что же? За то, что... выделяется из ансамбля! Вот уж поистине случай, когда можно сказать: тем хуже для ансамбля! Не правильнее было бы подтянуть исполнение всех ролей, вместо того, чтобы пропагандировать нивелировку актерских индивидуальностей?

Сейчас в Заполярном театре ошибочные воззрения на работу актера над ролью постепенно преодолеваются. Это положительно сказывается на спектаклях. Особенно большое впечатление производит «Персональное дело». Здесь из ансамбля выделяется не яркое, а бледное исполнение некоторых ролей. Другие участники постановки, так же как А. Сафронов, играют наполненно и образно.

В спектакле чувствуется творческая страстность его создателей, обогативших драматургический материал своими непосредственными наблюдениями, опытом советских художников сцены. Эта постановка, больше чем выступления на собраниях, свидетельствует о том, что коллектив Норильского театра находит свой верный путь, что нужно ему лишь отбросить излишнюю боязнь смело дерзнуть в искусстве.

В. БЛОК.

НОРИЛЬСК.

Сцена из спектакля «Иван Рыбаков».